

СВЕТЛАНА РЕШЕНИНА

Мама, ЭТО
ШНОР|К|ели|!

Санкт-Петербург
Издательство «Качели»
2018

Посвящается моему папе, моей дочери
и всем, кто так же мужественно
борется с болезнью, не поднимаясь с постели

ТАК ПОЛУЧАЕТСЯ

Во время тихого часа мобильный телефон хихикнул и мультяшным голосом пропищал на всю палату: «Тебе SMS прислали! Дашь почитать?» Маня отложила книжку и открыла сообщение. «Осталась одна неделя коникул! Увидимся в школе!» Это подруга Тася написала.

И смайлик добавила.

Не пойдет Маня первого сентября на праздничную школьную линейку. Она останется в больнице, а учительница будет приходить к ней прямо в палату. Просто Тася об этом еще не знала. Маня не хотела ей говорить.

Маня оказалась в больнице из-за пирожков с повидлом. Их очень уважал толстый четвероклассник Витя. Еще он любил кататься на роликах. Катиться Витя мог только по прямой. Жирный живот с пирожками мешал ему поворачивать в сторону. Позавчера Витя налетел на Маню в парке. Она не успела увернуться и упала спиной на асфальт.

В больнице доктор Алексей Николаевич запретил Мане ходить, вставать с постели, садиться и даже поворачиваться на бок. Можно было только лежать. На спине. Без подушки.

— Если Маня сядет или встанет, — сказал доктор, — всё лечение придется начинать сначала. Лежать, только лежать!

— А когда Маню выпишут? — спросила мама.

— Через четыре недели. Не раньше.

— Четыре недели — это ведь очень долго, — расстроилась Маня.

— Целый месяц, — вздохнула мама, и Маня заплакала.

Манина кровать стояла возле стены. Мама скотчем приклеила на стенку календарь, и Маня каждый вечер вычеркивала один день. Зачеркнутых дней было мало, всего два. Зато незачеркнутых — считать замучаешься!

Из дневника Мани:

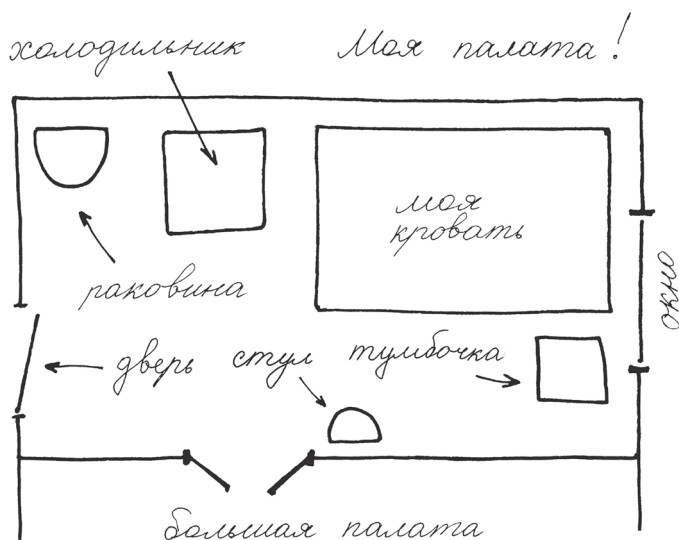
Как хорошо, что мама принесла мне дневник. Буду писать обо всем. Я третий день лежу в больнице. Здесь ужасно скучно. Последние денёчки стоят, чтобы на роликах покататься!

Я лежу в странной палате. Она маленькая. Только моя кровать помещается. И холодильник еще, и раковина. А за дверью еще одна палата, большая. Мама говорит, там стоят семь кроватей. Только мне отсюда не видно.

Все заходят в большую палату через мою маленькую. У меня есть соседи, но разговаривать с ними неудобно. Глупо же кричать через стенку!

И окно я не вижу. Зато прекрасно вижу и слышу холодильник! Он рычит всю ночь.

Я так хочу перевернуться на живот! 😞

К третьему дню Маня перепробовала все наспинно-лежащие занятия:

Она разгадывала кроссворды.

Рисовала.

Играла в игры на телефоне.

Читала книжку.

Опять рисовала.

Смотрела в потолок.

Разглядывала журналы.

Опять рисовала.

И опять...

В обед прибежала мама, чтобы покормить Маню с ложечки. Маня завтракала, обедала и ужинала, лежа на спине. И причёсывалась. И умывалась. Всё-всё-всё так делала. Как съесть суп, не отрывая голову от подушки? Или умыться, глядя в потолок? Без мамы у Мани ничего бы не получилось.

Если бы мама могла быть с Маней все время! Но ее не отпускали с работы. Поэтому мама прибежала только утром, в обед и вечером.

— Ну и накрошила, — покачала головой мама, пытаясь навести порядок вокруг Мани.

Какой уж тут порядок, когда жесткая приподнятая кровать — это и обеденный, и письменный стол, и книжная полка, и ванная комната!

Мама стряхнула крошки и стала заправлять выбившуюся простыню под матрас. И вдруг остановилась.

— Погоди-ка, — мамины руки замерли под матрасом. — Тут что-то лежит.

И мама вытащила зеленую коробку размером с ладонь. Крышку и бока коробки покрывали затейливые узоры и странные надписи.

— «Шнор-струк-тор». Кажется, кто-то игру забыл, — мама удивленно пожала плечами и протянула находку Мане. — Смотри.

Маня сняла крышку. Внутри оказались карточки из плотного белого картона, каждая не больше игровой карты. Маня вытащила одну из толстой пачки. На карточке, как и на коробке, переплетались тонкие линии, завитки и листья.

— «Форма», — прочитала Маня и перевернула карточку. — Круг.

Другую карточку Маня вытянула из середины. Узор на ней оказался другой. И надпись тоже.

— «Глаза». А с обратной стороны? Цифра «пять». Чего — «пять»? Глаз? Головоломка какая-то.

— Интересно, — сказала мама, — а инструкция есть? Посмотри внутри.

Маня вытряхнула карточки на постель. Их оказалось много. Сверху шлепнулся свернутый в несколько раз листок бумаги. Мама развернула его и прочитала:

— «Шнор-струк-тор»... Интересное название. «Шнорструктор поможет тебе создать самых лучших шноркелей...»

— Кто такие шноркели? — спросила Маня, разглядывая веселую рожицу и надпись с обратной стороны: «Настроение».

— Не знаю. Кажется, их нужно нарисовать. Вот, написано: «Разложи карточки по стопкам: „форма“, „глаза“, „руки“...»

На всю палату ухнула развеселая песенка. Опять звонили с маминной работы. У папы был совсем другой звонок: спокойный, ласковый.

Мама схватила телефон:

— Слушаю! Да-да, конечно...

Маня приуныла. Кажется, мама сейчас убежит на работу.

— Мань, это всего лишь до вечера, — виновато сказала мама. — После тихого часа я приду. Может, отпустят пораньше. Тебе вкусенького купить?

— Мороженого. Три мешка. Жарко.

Маня хмурилась. Опять одной лежать.

— Хорошо. Обещаю принести три мешка мороженого и тазик льда.

— Тебя Лариса Анатольевна не пропустит, — буркнула Маня.

Медсестра Лариса Анатольевна ей нравилась. Она всегда была веселая, заботливая и не заставляла Маню спать в тихий час.

— Манька, не сердись. Через три дня у меня начнется отпуск. Буду с тобой целыми днями в обнимку сидеть. Потерпишь?

— Потерплю, — вздохнула Маня, и мама убежала.

Инструкция от игры лежала на тумбочке. Вот что там было написано:

«Шнорструктор поможет тебе создать самых лучших шноркелей!

1. Разложи карточки по стопкам: „форма“, „глаза“, „руки“, „ноги“, „зубы“, „настроение“, „узоркель“.
2. Не глядя, возьми из каждой стопки одну карточку.
3. Теперь рисуй шноркеля! Не забудь придумать имя!»

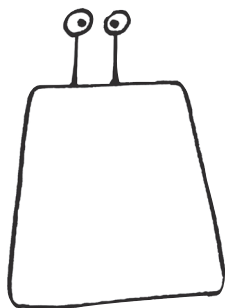
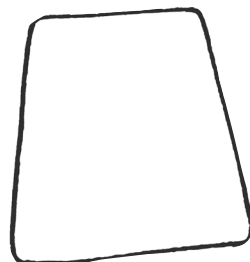

Половина карточек оказались пустыми, и Маня вернула их в коробку. Остальные карточки Маня разложила по стопкам рядом с собой. Три стопки справа, четыре слева. Карточки расползались и норовили свалиться на пол, но Маня терпеливо возвращала их на место. Стопка «узоркель» оказалась самой высокой. Маня вытянула из каждой стопки по одной карточке и положила себе на грудь.

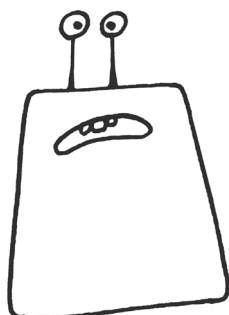
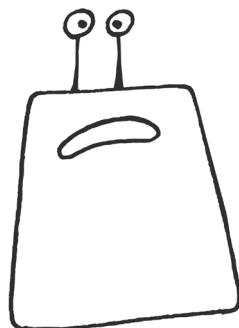
Рисовать, лежа на спине, ужасно неудобно. Поэтому мама принесла не обычный альбом, а с жесткой картонной обложкой. Его можно было держать перед собой, словно мольберт. Маня открыла альбом на чистой странице, пристроила на живот и взяла черный фломастер. Он писал тонкими линиями и очень ей нравился.

Сначала Маня нарисовала трапецию. Получился прямоугольник, похожий на юбку.

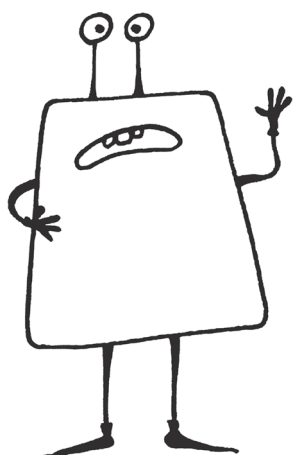
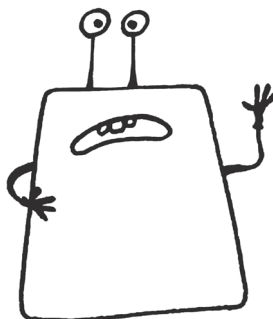
Потом — глаза, как у краба.

Затем — недовольный рот.

...и зубы.

Следом — тонкие ручки...

...и ножки.

Закончить рисунок не получилось. Недорисованная третья нога вдруг задергалась и вывернулась из-под кончика фломастера. На листе осталась длинная кривая линия. Как же неудобно рисовать лежа!

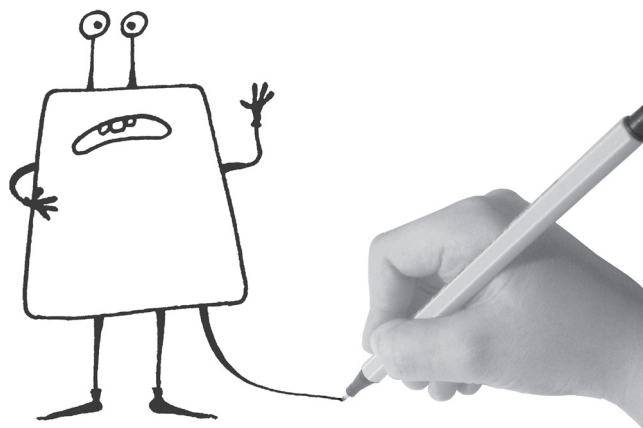

Рисунок никуда не годится, нужно переделать. Маня собралась перелистнуть альбомную страницу. Вдруг существо с крабьими глазами взмахнуло ручками и возмущенно завопило:

— Стой! Куда?!

Маня устала на рисунок. Существо схватило свою длинную ногу и затрясло ею. Нога болталась, словно вареная макаронина.

— Накалякала — и в кусты? Разве это нога?! — возмущалось существо. — Нога должна быть ма-а-аленькая... то-о-оненькая...

Маня заморгала:

— А ты... кто?

Существо перестало размахивать ручками и причитать. Оно легким движением закинуло длинную ногу за спину, словно шарф, подбоченилось и гордо произнесло:

— Шноркели мы.

— А вас... сколько? — осторожно спросила Маня, боясь поверить, что рисунок двигается. Глаза тарацит. Советы дает.

— А сколько нарисуеть, столько и будет, — пробурчал шноркель, снимая ногу с плеча. — Это ж надо такую длинную нарисовать... А?

— Давай я ее сотру, — Маня зашарила в поисках ластика.

Шноркель энергично замахал ручками:

— Что ты! Это фломастер! Он не стирается! Это ляпчик!

— Ляпчик?

— Ляпчик, — взволнованно объяснил шноркель, — нельзя стереть. Дырка будет! Ляпчики бывают кривые, лишние и съедобные. Съедобные самые страшные, они вообще не летят.

— Почему? — спросила Маня, сообразив, что ляпчики — это кривые или неправильные линии на рисунке.

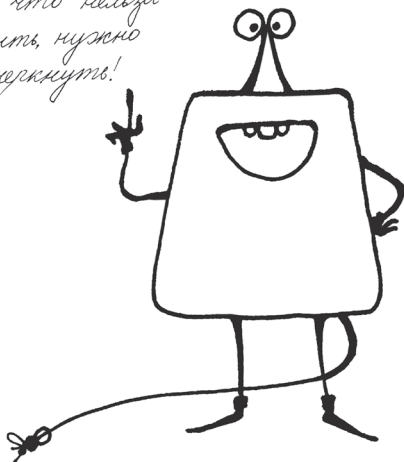
— Потому что руки надо мыть после еды! — закричал шноркель. — Едите варенье, бутерброды, шоколад! Потом руками за альбом — хватать! И шноркель весь потом в пятнах, жирный, словно колбаса! Я вам не бутерброд! Съедобные ляпчики вылечить нельзя! Это на всю жизнь!

— А твой ляпчик можно вылечить?

Шноркель задумался. Наконец сказал:

— Можно. Но сложно. Скрыть ляпчик нельзя. Его нельзя стереть, замазать или заклеить. Ляпчик нужно сделать достоинством, которого ни у кого больше нет. Никто не должен догадаться, что это бывший ляпчик. Можно еще один глаз пририсовать, например.

*То, что нельзя
скрыть, нужно
подчеркнуть!*

Маня пригляделась к шноркелю и сказала:

— Нет, на ноге глаз мы рисовать не будем.

Шноркель фыркнул:

— И на том спасибо.

Он отвернулся и что-то забурчал. Маня вдруг догадалась. Вот чего не хватает шноркелю!

— Ты можешь не шевелиться? — спросила она.

Шноркель застыл, и Маня быстро нарисовала на длинной линии кружок. И еще один.

— Теперь это не нога, а хвост. А это бусинки, — объяснила она. — Для красоты.

Шноркель придирчиво осмотрел свой хвост, хмыкнул и завязал на нем узелок.

— Чтобы не скатились, — сказал он. — Молодец. Хитро придумала. Теперь можно и познакомиться. Ты кто?

— Маня.

— А чего лежишь?

— Спина болит. Мне еще долго лежать.

— Ты — лежанка, — кивнул шноркель.

— Лежанка — это кровать такая. Низкая, — возразила Маня. — А я девочка, во втором классе учусь.

— Лежишь — значит, лежанка. Или лежевика, — заупрямился шноркель.

«Сейчас обидится», — поняла Маня и сменила тему разговора:

— А тебя как зовут? Просто шноркель?

— Имя от узоркеля зависит... — важно начал шноркель и вдруг опять завопил: — Ты не нарисовала узоркель!

— Я даже не знаю, что это такое! — закричала Маня шепотом в ответ. Вот услышит медсестра Лариса Анатольевна и все-таки поругает за громкие разговоры во время тихого часа.

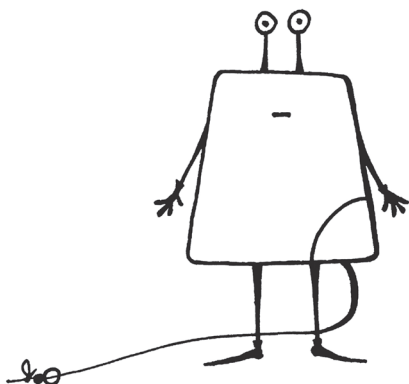
— Смотри скорее и рисуй!

Шноркель ткнул длинным пальцем в карточку:

— Узоркель — это узор, который носит шноркель!

— Тогда не шевелись, — сказала Маня и взяла фломастер.

Шноркель застыл. Маня осторожно нарисовала на его боку маленькую дугу.

Потом еще одну. И еще. Шноркель хихикнул и поежился:

— Щекотно.

— Не ше-ве-лись, — повторила Маня. — А то криво получится. Тебе нужны новые ляпчики?

Шноркель испуганно замер. Маня провела еще дугу, и еще...

— Всё!

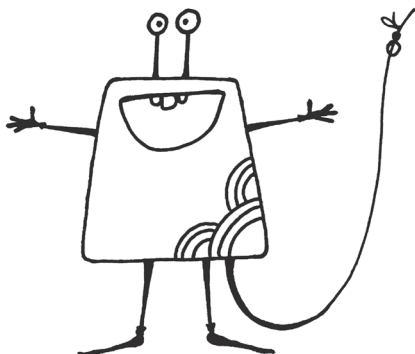
Шноркель завертелся, рассматривая свои бока. Глаза его крутились во все стороны.

— Вот теперь понятно, — наконец заявил он. — Меня зовут Так!

— А почему — Так? — улыбнулась Маня.

Шноркель расплылся в широкой улыбке:

— А потому что ТА-А-А-АК КРАСИВО!

Из дневника Мани:

Сегодня мама нашла шноркелей. Под матрасом.

Шноркели – это смешные чудики из коробки с карточками. Их нужно рисовать, и все они получаются разные. Сегодня у меня получился Так.

Интересно, почему шноркели – это шноркели?

В ТЕСНОТЕ И В ОБИДЕ

Утром от довольной улыбки Така не осталось и следа.

— Я непоседа! — хмуро заявил он, как только Маня открыла альбом.

— Непоседа? Почему?

На непоседу шноркель был совсем не похож. На мрачного ворчуна — да, а на непоседу — нет.

— Потому что тут не посидеть! Не полежать! Я всю ночь *непоседа* и *неполёжа*. И вообще *непоспата*!

Так ткнул пальцем в соседний альбомный лист:

— Там кто-то хихикал и болтал о каких-то нарядах. Теперь я знаю, что в этом сезоне моден розовый цвет и всё натуральное. Осталось выяснить, кто такие наряды.

Шноркель показал себе за спину.

— А этот лист кто-то облизывал с той стороны!

Маня заглянула на соседнюю страницу:

— Здесь у меня нарисована девочка с телефоном. С подружкой болтала, наверное. А на другом листе... Кот! Он умывался!

Шноркель надулся, отошел в угол и заворчал:

— Дома нет. Соседи шумят. Темно. Жестко... Ты пробовала когда-нибудь спать на листке бумаги?

И Так надулся.

